

18+

Михаил Никитенко

Тяга к прекрасному

авантюрная повесть

Михаил Никитенко

**Тяга к прекрасному.
Авантюрная повесть**

«Издательские решения»

Никитенко М.

Тяга к прекрасному. Авантюрная повесть / М. Никитенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830794-2

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

...Инга достала мобильный, набрать Егора. Пребывать в неведении — это выше ее сил! Ей не запрещали общаться. Нельзя только рассказывать, в какую историю она попала. «Но ты ему уже рассказала, что с тобой случилось, и слышала, чем закончился ваш разговор! Нет, это была дружеская потасовка!» — убеждала себя Инга. У него все нормально! Он едет за ней, чтобы отвезти ее к маме, на край света, еще куда-нибудь, где исчезнут свалившиеся на ее бедную голову проблемы, а она, дура, сама себя накручивает!.. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-830794-2

© Никитенко М.
© Издательские решения

Тяга к прекрасному Авантюрная повесть

Михаил Никитенко

© Михаил Никитенко, 2016

ISBN 978-5-4483-0794-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

«Три грации» Антонио Канова, как скульптурная группа, существуют в двух вариантах. В Эрмитаже находится первый вариант, который был выполнен для Жозефины Богарне, первой супруги Наполеона Первого, около 1810 года. Джон Рассел, 6-й герцог Бедфорд, посетив мастерскую Кановы, захотел выкупить скульптуру для своего поместья, однако ему было отказано. После кончины Жозефина в 1814 году ее наследники продать скульптуру также отказались. От сына Жозефины Богарне, Эжена Богарне, она перешла к внуку Максимилиану, который, в свою очередь, увез шедевр Кановы в Россию. Герцог Бедфорд заказал Канове вторую версию «Трех граций». Скульптор изваял практически таких же Евфросинию, Аглаю и Талию, и в 1816—1817 годах три грации прибыли в поместье Бедфордов Уобёрн-Эбби. Эту вторую версию «Трех граций» Кановы из поместья герцогов Бедфордов выкупили совместными усилиями Музей Виктории и Альберта и Национальные галереи Шотландии за 7,6 миллиона фунтов (11,5 миллионов долларов). Раз в три года грации переезжают из одного музея в другой.

(взято из интернет-источников)

Скульпторы, как и живописцы, делают этюды. Этюд сделанный мастером является, несомненно, произведением искусства. А если он вышел из рук гения, то это уже шедевр за которым охотятся антикварные и арт дилеры всех мастей.

Мне довелось видеть у одного коллекционера две мраморные скульптуры девушек, которые он выдавал за третий, уменьшенный, вариант, или этюд Кановы к «Трем грациям». Возможно, так оно и было...

Все имена и действия в этой книге вымышлены и являются плодом воображения...

(от автора)

1

Потрепанная милицейская «семерка» «Жигули» вневедомственной службы «Охрана», в начале десятого вечера, скрипя подвеской на ухабах, въехала на парковку перед супермаркетом.

Старший сержант милиции Егор Мазуркевич выбрался с переднего пассажирского сидения, открыл заднюю дверь, стянул с себя шлем, автомат, бронежилет и бросил все на заднее сидение.

– Я скоро... – сказал он водителю-напарнику и, с отмашкой, захлопнув непослушные переднюю и заднюю двери «семерки», пошел в магазин.

Походив по пустому маркету с корзинкой между стеллажей, он набрал нехитрой снеди: «колу», чипсы, пончики, пару шоколадных батончиков и со своими покупками направился к кассе.

При расчете с ним, моложавая, но излишне полная кассирша, стреляя сильно накрашенными глазками, неосторожно уронила пятитысячную купюру себе под кассовый аппарат и колыхаясь всем телом полезла ее доставать.

Егор с опаской глянув на затрепавшие на ней по швам джинсы и форменный жилет предложил:

– Красавица, давай ты мне дашь другую купюру, а эту достанешь потом!

Но раскрасневшаяся от напряжения и удовольствия, что заработала комплемент, «красавица» медленно, как рубка подводной лодки, показалась над кассовым аппаратом.

– Я уже достала... – с легкой отдышкой сообщила она.

– Слушай. – сказал Егор. – Это какая-то «стремная» купюра. Я ее не стану в портмоне класть. Вдруг она опять выскочит вместе с бумажником? Я ее пушу «на случай»! Выиграю чепуху и с тобой поделюсь! Разбей мне ее помельче!

Улыбаясь, кассирша разбила купюру на пять тысячных бумажек.

Егор Мазуркевич вышел из маркета с пакетом в руках и, глянув на задремавшего в машине напарника, быстро направился к сияющему неоновыми огнями входу с надписью «МАКСБИТ. ИГРОВЫЕ АВТОМАТЫ».

Внутри помещение было разделено на два зала – большой с игральными автоматами и маленький – бар.

– Посторожи... – сказал Егор бармену и кинул на стойку пакет с покупками, а сам пошел в большой зал к автоматам.

– В форме нельзя! – несмело окликнул посетителя охранник пустующего зала.

Егор досадливо отмахнулся и подошел к ближайшему автомату.

Вышел он из игрового зала с унылым выражением на лице, закурил, посмотрел на свои пустые руки, чертыхнулся и пошел в бар забирать пакет с продуктами.

– Где ты ходишь? – воскликнул его коллега, крутясь как на иголках на водительском сидении. – «Сработка» на нашем участке! Уже пять минут диспетчерская вызывает!

– Ага... – буркнул Егор бросив пакет с продуктами на заднее сидение, натянул на себя бронезилет, взял шлем и автомат, потом порывшись в пакете достал два шоколадных батончика и сев на свое сидение протянул одну шоколадку напарнику. – На!

«Семерка» взревела перетруженным движком и резво выкатив с парковки уехала в темноту.

Через пять минут машина притормозила в пустынном переулке старой застройки, перед крыльцом с белой металлической дверью и видеофоном. Оба милиционера вышли из машины, подошли к белой двери. Егор нажал на кнопку видеофона.

Дверь открыли не спрашивая. За дверью стоял взъерошенный молодой человек – ночной офисный сторож.

– Ну, что там сегодня? – спросил Егор, входя в холл офиса.

– Как всегда – крысы! Носятся в кладовке, что дурные, опять зацепили проводку! – ответил сторож.

Егор вдвоем со сторожем пошли смотреть кладовую, а водитель, закрыв за собой дверь офиса на щеколду, подошел к столу, на котором стоял монитор видеофона и телефонный аппарат, снял трубку и набрал диспетчера.

– Алло! Старший сержант Неронский. Мы в «ДалПаке». – сказал он когда на том конце провода подняли трубку. – Опять ложный вызов. Пора им штраф вкатать, чтобы, наконец, переложили проводку сигнализации!...

Открыв дверь кладовки, сторож включил свет и посторонился, пропуская Егора.

Тот без особого вдохновения осмотрел кладовую. Стукнул ботинком по горке картонных коробок со старыми документами. Там что-то зашуршало и затихло.

– Крысы... – подтвердил он предположение ночного сторожа. Потом испытующе посмотрел на охранника – Есть че?

– Ты ж на службе... – испуганно пробормотал сторож.

– Чепуха... – подмигнул Егор и протянул сторожу раскрытую ладонь. – Давай...

Недовольно кряхтя, сторож достал из нагрудного кармана джинсовки самокрутку и, крепко сжав ее пальцами обеих рук посередине, аккуратно переломил пополам. Одну половинку он отдал Егору, вторую осторожно спрятал себе обратно в карман.

– Ну ты жлоб! Мне че ее теперь с пинцетом тягать? – возмутился Егор.

– Да ладно, ты! – зашипел сторож в ответ. – Мне еще целую ночь тут куковать. Сканворды что ли разгадывать?

– Егор, пошли! – окликнул напарника водитель.

Сев в машину они проехали вперед по переулку в темноту. Там машина притормозила у обочины. Напарник в бронезилете за рулем, неуклюже попытался развернуться к заднему сиденью.

– Поддай пакет. – недовольно буркнул он, видя как Егор с улыбкой следит за его стараниями.

Егор подал напарнику пакет, опустил стекло, достал половинку самокрутки, прихватил ее самым краешком губ, осторожно прикурил, придерживая ее ногтями указательного и большого пальца руки, затянулся и блаженно улыбаясь, выпустил струю дыма.

Напарник подозрительно принюхался и удивленно уставился на Егора.

– Ты че?! С дуба рухнул?

– Да ладно... – улыбнулся Егор. – Темень кругом. Никто не видит. Хочешь?

– Пашол вон из машины, дебил! – зарычал напарник, но негромко, чтобы не обращать лишнего внимания. – Ты хочешь, чтобы машина «шмалю» провоняла? Ты мля на службе, сцуко! Выкинь косую быстро!

– Да вертел я эту службу! – огрызнулся Егор.

– Иди в кадры, пиши заяву на увал, потом верти, сколько влезет! Выкинь косую, быстро! – не унимался водитель.

– Тринадцатый! Центр! На Кирова, дом 4, квартира 15. Сработка! Срочный выезд!

Егор с сожалением выкинул окурочок.

– Да, едем! – рявкнул водитель в микрофон, забросил продукты на заднее сидение и заведя машину лихо развернул ее на пяточке.

2

Если смежить веки в узкую щелку – так, чтобы падающий через окно в гостиной на застекленную дверь спальни свет полной луны проходил сквозь ресницы, то кажется, что в спальню пытается заглянуть живая женщина. Если слегка поиграть веками, то воображение подскажет, что женщина, чей неясный силуэт он видит в дверях, пытается войти в спальню.

А если полностью открыть глаза, то сквозь рифленое стекло виден, подсвечиваемый ярким лунным светом, силуэт одной из двух мраморных статуй, охраняющих вход в спальню.

Обман зрения и игра воображения разволновали его. Он кряхтя встал и тихонько подойдя к двери приоткрыл ее.

Длинноногие, с округлыми плечами и высокой девичьей грудью, две грации Кановы смотрели мимо него белыми мраморными глазами с легкой грустью и покорностью.

Не спится.

В его возрасте это уже хроническое. Устойчивая бессонница появилась два года назад, сразу после того как он похоронил жену. В четырехкомнатной профессорской квартире стало уныло и одиноко среди всех этих антикварных собраний.

В кабинете мелодично отбили три часа ночи напольные часы «Густав Беккер».

Ну что ж, он скоротал еще один бессонный час. Осталось убить еще три и можно потихоньку вставать...

Резкий дуэлет звонков, телефона и у входной двери, заставил присесть от неожиданности и испуга. Безусловный рефлекс мышц его тела выдавил небольшую струйку мочи.

Черт возьми! В свои шестьдесят восемь он, оказывается, уже настолько плохо контролирует свое тело, что невзначай обмочился!

Опять двойной звонок телефона и у входной двери.

Профессор Карпов недоумевая, что могло произойти в этот поздний час, вышел из спальни в коридор своей большой квартиры, на ходу натягивая халат, поверх подмоченной пижамы.

Третий дуэлет застал его в коридоре возле тумбочки с телефоном.

– Алле... – негромко сказал он, сняв трубку.

В трубке послышалось:

– Кирова 4, квартира 15?

– Да... – ответил профессор, узнав голос дежурного службы охраны.

– Назовите пароль... – потребовал дежурный, но уже более мягким тоном. Он, по-видимому, узнал голос профессора.

Профессор раздельно проговорил шифрованную абракадабру.

– Хорошо... – подтвердил правильность пароля дежурный. – Там у Вас за дверью стоит наш наряд. Впустите их, чтобы они проверили контур. У Вас несанкционированная «сработка» сигнализации.

– Хорошо... – послушно ответил профессор и принялся возиться с системой замков на входной двери. Перед открытием последней щеколды он для уверенности глянул в глазок.

На площадке топтались два сержанта в полной боевой готовности – автоматы, бронежилеты и шлемы с поднятыми забралами.

– Прошу вас... – сказал профессор, открыв дверь и пропуская наряд к себе в квартиру. Он поплотнее запахнул полы своего халата. Вдруг на штанах пижамы проступило предательское пятно?

Патрульные прошли по коридору к залу, на ходу снимая шлемы и бряцая амуницией, как средневековые рыцари.

– Ого! Музей! – воскликнул с телячьим восторгом один из них. – У Вас тут можно экскурсии водить!

– Егор... – укоризненно окликнул его напарник. – Надо проверить все оконные рамы...

– Можно мне тут все посмотреть? – перебил напарника любопытный патрульный.

– Что «все»? – растерянно спросил профессор.

– Ну, всю эту красоту!

– Три часа ночи! – тихо, но внятно, с металлическими нотками в голосе, сказал напарник. – Быстро проверяем квартиру на целостность контура и даем возможность хозяину лечь спать!

– Не дает приобщиться к прекрасному, зануда! – воскликнул любопытный патрульный. – Можно я потом к Вам в гости, на экскурсию, приду?

– Ну не знаю... – профессор растерянно развел руками. – Приходите...

– Егор! Возьми себя в руки и пошли работать! – проворчал напарник и пошел в зал осматривать окна.

Егор Мазуркевич тяжело вздохнул и поплелся без охоты в кабинет, сопровождаемый хозяином.

Профессор включил свет, и они осмотрелись.

В кабинете профессора вдоль двух смежных стен стояли массивные шкафы с полками заставленными книгами, минералами и доисторическими окаменелостями. Перед одним шкафом стоял большой письменный стол с инкрустациями и такое же массивное кресло. Вдоль третьей стены стояла посудная горка с сервизами и кожаный диван. Окно было завешено тяжелыми бархатными шторами. За шторами что-то тихонько постукивало.

Егор по-хозяйски подошел к окну и отдернул шторы.

Стучала форточка оконной рамы. Ее забыли закрыть, или сделали это неаккуратно. Ночью поднялся ветер и стронул форточку с места, отчего и сработала сигнализация. Нередкий случай.

– Ну вот и причина «сработки»... – сообщил Егор профессору и подошедшему напарнику.

– Да, да... – забормотал хозяин квартиры. – Сегодня днем было жарко, и я приоткрыл форточку, а потом, наверное, неаккуратно ее закрыл...

– Придется заплатить штраф. Вам его начислят к следующей оплате. Ничего не поделаешь... – поучительно сказал напарник.

– Интересно, сколько все это стоит? – встрял в разговор Егор.

– Что все? – опешил хозяин квартиры.

– Вот это все добро... – Егор широко раскинул руки, как будто хотел схватить в охапку содержимое кабинета и всей квартиры: шкафы, их содержимое, мебель, картины.

– Это сложно оценить... – ответил профессор Карпов, расстроенный своей рассеянностью. – Многие вещи существуют в единичном экземпляре. Им нет цены...

Егор подошел к столу и взял лежащий на нем кусок металла тускло-желтого цвета.

– Золото? – удивленно воскликнул он.

– Золотой самородок «бычья голова»... – ответил профессор на вопрос настырного милиционера.

– Ого... – Егор с восторгом покачал самородок в руке, измеряя его вес. – Тяжелый...

– Телефон работает? – напарник указал на телефонный аппарат, стоявший на столе.

– Конечно! – встрепенулся профессор.

– Егор, набери дежурку, пусть они проверят контур и поедем...

– Ты видел, сколько там добра?! – заорал в восторге от увиденного в профессорской квартире Егор, как только они сели в патрульную машину? – Я чуть эту бычью голову не «слутошил»!

Напарник повернулся к Егору и окинул его угрюмым взглядом.

– Егор, что с тобой происходит? – усталым голосом спросил он. – Ты так и лезешь на рожон! Ждешь, чтобы поперли со службы? Обкурился! Устроил шоу в квартире у клиента!

– Нафиг эту службу! – огрызнулся Егор.

– Все, поехали! – зло бросил напарник и завел двигатель. – Я завтра напишу рапорт и откажусь работать в паре с тобой. Ты реально ёкнутий! Хочешь вылететь со службы? Пожалуйста! Хочешь загреметь на шконку? С твоими мозгами – легко! Но без меня. Мне моя служба нравится, и я ни хрена по жизни менять не планирую!...

– Да ладно тебе... – примирительно пробормотал Егор.

– Тебе легко куражиться, имея за спиной такого родственника. У меня такой поддержки нет... – так же сбавив тон, ответил напарник.

– Все знают, что я за него не прячусь. Просто надоела служба... – буркнул Егор.

– Увольняйся... – пожал плечами напарник.

3

Костя спешил на свидание. Сегодня они встречаются с Ингой! Инга была его девушка. Костя за ней ухаживал вот уже больше года и был уверен, что не за горами тот радостный момент, когда он на романтичном ужине, обеде, или просто очередной встрече подарит ей обручальное кольцо и попросит Ингу стать его женой!

В том, что ее ответ на это предложение будет положительным, Костя ни капли не сомневался. *А как же может быть иначе?* Год как он, презрев мужскую гордость и самолюбие, бросил к ногам этой взбалмошной девчонки свое личное время и деньги! Ухаживать за Ингой, это все равно, что ухаживать за редким экзотичным цветком – он красив, но очень капризен и непредсказуем. Так же и Инга! Каждый день новые капризы, загадки, недосказанности и обиды на ровном месте. Костя стойчески переносил все, потому что точно знал – Инга его избранница! Просто она его проверяет, а когда Инга убедится, что этот человек создан для нее – она успокоится и станет, милой покладистой женой.

Знакомые осторожно намекали, что его девушка просто провинциальная стерва, желающая обосноваться в столице, прекрасно видит, где выгода и не упустит своего. Но Костя был уверен, что это обыкновенная людская зависть.

И вот сейчас он спешил на свидание при полном параде: костюм, галстук, цветы и полная голова чувственно-эротических фантазий по поводу того как они проведут этот вечер вместе.

Мир был хорош до мелочей!

Он легкой рысцой спускался по длинной лестнице, ступени которой были вымощенной тротуарной плиткой, от торгового центра, где только что купил цветы, к автобусной остановке. Навстречу ему поднималась миловидная женщина в возрасте. Костя артистично посторонился, давая ей пройти, и наступил на расшатанную плитку в ступеньке. Нога подвернулась в стопе.

– Б... ть!!! – крикнул Костя, теряя равновесие и размахивая букетом, словно веником.

Что-то в стопе противно хрустнуло. Ногу от пятки до колена пронзила острая боль, и Костя с криком покатился кубарем по ступенькам, пугая прохожих.

Тьма обморока накрыла его. Выплывая из него, он услышал надтреснутый старческий голос: «Зачем так спешить?».

Морщась от боли, нещадно терзавшей ногу, он приоткрыл глаза, чтобы осмотреться.

Над ним склонился какой-то дедушка в берете и роговых очках, занимавших две трети его высушенного личика. Дедушка опирался на точенную трость, пристально рассматривал Костю стрекозьими глазами и качал головой как китайской болванчик.

– Куда вы так летите, молодой человек? – озабоченно спросил старичок пришедшего в себя Костю.

Вопрос был убийственным. Он летел на свидание с любимой девушкой, а теперь валяется в дорожной пыли на потеху досужим зевакам!

Костя попытался встать и осмотреться. Дорогой букет превратился в пыльный растрепанный веник. Костюм грязный. Костя неосторожно ступил на поврежденную ногу. Мозг опять заволокла пелена боли, переходящей в обморок. Охнув, он сел на лестничный парапет.

– Надо вызвать скорую помощь... – назидательно сообщил старик с тростью.

А Костя, жмурясь от боли и стыда лихорадочно соображал, что же сейчас сделать. Необходимо как-то сообщить Инге, что с ним случилась такая обидная неприятность. Костя похлопал по карманам пиджака, чтобы найти мобильный телефон и позвонить девушке. Телефона не было. Он не мог его забыть – это непростительная ошибка, которую он не мог допустить.

А вдруг она будет ему звонить?

Хотя когда такое было?

Нет, он не мог забыть телефон. Скорее всего, мобилка выпала, когда он кубарем катился по лестнице.

Костя еще раз оглянулся по сторонам и заметил на одной из ступенек свой мобильный телефон с сеточкой трещин по всему экрану.

Костя выхватил у старика трость, чтобы доковылять до мобильника. Ему удалось сделать два прыжка. На третьем он инстинктивно наступил на большую ногу и со стоном рухнул на ступеньки. Старичок мягко, но настойчиво вынул из сжатых пальцев палочку.

Костя посмотрел на старика с ненавистью. Особенно его раздражало это сочувствующе-неконтролируемое покачивание головой.

– Мне нужен мой мобильный телефон... – пробормотал он, дотянулся до разбитой мобилки, нажал кнопку включения и уныло потряс его. – Разбился...

Сердобольные прохожие бросились его поднимать.

– Не волнуйтесь, молодой человек. Сейчас мы сами вызовем «скорую помощь»! – заверили его из толпы.

«Кой черт – „скорая помощь“? – подумал Костя в бессильной злобе. – Мне же надо Инге позвонить! Она меня ждет! Она будет злиться за опоздание!..»

– Дайте мне мобильный телефон!... – требовательно воскликнул он. – Я должен предупредить мою девушку, что свидание откладывается!..

Какая-то бабулька протянула ему старый «Нокиа» с полуистертыми клавишами.

Набирая номер, Костя пытался сообразить какие должны быть интонации и текст, который заставит его ненаглядную смотреть сочувственно на эту ситуацию.

Через пять минут приехала карета скорой помощи, а он все еще лепетал по чужому телефону извинения Инге из-за того, что свидание придется отменить.

4

– Замечательно!.. – Инга сердито захлопнула мобильник. – Он сломал себе ногу!

Раздражение на Костю, тихо накапливающееся в глубине души целый год, стало пениться и бурлить, желая вырваться наружу.

«Заставь дурака Богу молиться!... – чертыхнулась Инга про себя. – Ну да – сломал ногу! Неприятность! Но как можно было сломать ногу, идя к ней на свидание? Другого времени не было? И зачем тогда приглашать на свидание, если собрался ломать ногу?!»

Надо было осмыслить случившееся и срочно решать, что делать дальше.

Девушка осмотрелась по сторонам. Она стояла в центре города, у входа в МакДоналдс – там, где была назначена встреча. От фаст-фуда веяло ароматами жареной картошки, бургера и кофе. Инга с завистью посмотрела на выходящую из дверей Мака публику. Некоторые выносили в руках аппетитно промасленные пакеты с красно-желтой надписью.

Желудок стал тихонько урчать. Девушка достала из сумки кошелек, рассеянно перебрала мелочь. Черт возьми! Она оказалась совсем не подготовленной к суровой действительности – голодна и без денег! Все эти мелкие житейские проблемы должен был решать Костя!

«Может поехать к Косте в больницу и попросить денег?.. – мелькнула шальная мысль. – Костик ничего не мог лучше придумать, как сломать себе ногу сейчас!»

Инга одернула себя. Нет, конечно, она сожалеет об этой неприятности – спешил к ней на свидание и сломал себе ногу. Бедняжка...

Но тут же саркастично ухмыльнулась; она ни капли не сожалеет. К чему это ханжество? Костя пока еще не стал героем ее романа. Да, они встречаются уже год. Он симпатичный и порою даже очень милый. Инга видит, что этот парень в нее без памяти влюблен и готов обеспечивать, в меру своих возможностей, ее прихоти. Возможно даже, он мечтает о том, что она станет его женой. Наивный Костик – он всего лишь запасной вариант! У нее другие планы, она хочет обосноваться в столице, сделать карьеру (правда пока еще не определилась какую), обустроить свою личную жизнь, но уж конечно не с Костей! Просто как любая женщина, она очень податлива на всякие уговоры, и Костик умело этим пользовался. Если ему что-то встре-

вало в голову, то проще было согласиться, чем объяснять, почему не хочется этого делать! А тут она оговорилась, что сегодня в здании, где издательство снимало офис, с обеда не будет электричества. Костя принялся ее уговаривать сходить куда-нибудь, и Инга пошла на свидание, не заставляя себя долго упрашивать, потому что в любом случае прогулка по городу, гораздо интереснее, чем бестолковое сидение на работе.

Она согласилась пойти на свидание. Она уже настроилась на свидание. Она пришла на свидание и в том, что оно не состоялось, был большой минус. И виноват в этом Костя!

На работу возвращаться было глупо. Домой возвращаться – рано. Инга была не местная и работу в столице нашла по знакомству. Деньги в издательстве платили небольшие и на то, чтобы снимать квартиру в городе их не хватало. Приходилось каждый день ездить из пригородного поселка, где скука смертная, однако Инга в свои двадцать пять лет рассматривала эту проблему как временную и решаемую.

– Девушка, вы не меня ждете? – подскочил к ней юнец разодетый как гламурный репер.

– Нет. Не тебя... – буркнула она, выразительно окинув взглядом наряд юнца.

Парень стусевался. Стоявшие поодаль дружки, разодетые как братья-близнцы в такую же униформу, радостно осклабились.

Сильное раздражение стало перерастать в стойкую неприязнь к своему бойфренду, граничащую с ненавистью. Она топчется в центре города, в самом людном месте возле Мака. Костя не пришел на свидание. Она выглядит тут одинокой дурой, которую «продинамили». Никто же не знает, что ее парень так спешил на свидание – даже умудрился сломать ногу!

Оставалось только одно – уходить с богато украшенных центральных улиц в сторону какой-нибудь дешевой диетической столовой, в которых питаются одинокие старики, студенты и провинциальные командировочные, чтобы максимально сэкономить на желудке. Она знала одну такую столовую. Сама постоянно в нее ходила, когда училась в институте. И вот теперь такой неприятный поворот судьбы – пригласили на свидание, а идти придется в диет-столовую, чтобы заморить червячка! Но голод не тетка – приходится наступать на горло своей гордости.

5

Отстояв небольшую очередь, Инга набрала на поднос «диетических» блюд и нашла свободный столик в центре обеденного зала. Расставила свои тарелки, но еще не успела приступить к «трапезе», как к ее столику подошел пожилой мужчина, лет за шестьдесят. Он спросил, свободно ли тут и, получив в ответ утвердительный кивок головой, поставил поднос и повесил на спинку стула темно-зеленую матерчатую сумку – с такими обычно ходят за продуктами. На подносе у него был обыкновенный рацион пожилых людей: сметанка, творог, молочный суп...

Столовая не ресторан, особенно разглядывать нечего, но и просто есть рассольник, уставившись в тарелку скучно. Поэтому девушка пару раз окинула взглядом своего соседа.

В молодости он видно был красавец-мужчина со своими черными кустистыми бровями и густой шевелюрой волос, хорошо сохранившимися и теперь, но уже совсем седыми. В общем-то, опрятный, но слегка заношенный до блеска на локтях и обшлагах темно-синий костюм. Белая рубашка и галстук тщательно выутюжены, но оба почтенного возраста.

Мужчина черпал чайной ложкой из стакана сметану, вытянув губы в трубочку, тихонько ссёрбывал ее с ложки и задумчиво пережевывал. При этом у него в уголках губ скапливались сгустки сметаны. Он постоянно вытирал их салфеткой, но сметана все равно скапливалась в уголках губ такими неприятными комочками...

Пожилый мужчина тоже исподтишка поглядывал на свою соседку и девушка ему определенно понравилась.

Его испачканные сметаной губы произвольно расплылись в игривой усмешке.

Мужчина доел сметану, отставил в сторону пустой стакан, достал из нагрудного кармана пиджака какой-то потрескавшийся осколок мутно-зеленого цвета и протянул его девушке.

– Этот камень очень подходит к Вашим глазам... – загадочно сказал он.

Инга слегка опешила, но из вежливости спросила, что это за камень?

– Изумруд! – ответил он.

Девушка еще больше удивилась. По городу ходит человек и таскает в карманах изумруды?!

Она решила, что перед ней пожилой маразматик, но, опять же, из вежливости, решила поддержать разговор и спросила – почему этот изумруд больше похож на осколок бутылочного стекла.

Мужчина, ничуть не смутившись, сказал, что камень не обработан и тут же достал из своей сумки плоскую коробку, размером с нетбук, обтянутую черным кожзаменителем. Открыл и извлек из нее золотой самородок с перепелиное яйцо!

Тут Инга еще больше удивилась. Что это еще за фокусник такой обедает с ней в дешевой столовой?!

– Это розыгрыш? – спросила она с легкой усмешкой, готовая по заслугам оценить странный юмор незнакомца.

– Нет. – мужчина положил самородок в коробку. – Я профессор геологии. Преподаю в университете. Это демонстрационный материал для моих лекций.

– А-а... – с облегчением вздохнула девушка. – А я решила, что Вы фокусник, или просто... – она немного замялась. – ... Просто чудак!

– Нет. Я не чудак. Я профессор геологии.

Профессор задумчиво улыбнулся. Девушка ему нравилась все больше и больше. Пора было переходить к главному.

– Карпов Дмитрий Евгеньевич. – он протянул девушке сизую руку.

– Инга... – девушка, немного смущаясь, вложила свои пальцы в сухую ладонь.

Мужчина смежил веки от удовольствия.

– А Вы знаете, Инга, я не только профессор геологии. Я еще и страстный коллекционер.

– Да? И что Вы коллекционируете?

– Все! Картины, мебель, посуду... Все что имеет отношение к миру прекрасного! Ну, что? Вам интересно? – спросил он.

– Да! – заинтриговано кивнула головой девушка.

– Тогда я приглашаю Вас к себе в гости!

Повисла пауза. Инга озадаченно посмотрела на профессора. Предложение было неожиданным. Был бы он помоложе, она может и побоялась бы идти, но тут решила, что профессор геологии и коллекционер вполне безобидный. Кроме того – сорвалось свидание. И она решилась – почему бы не пойти? Интересно все-таки побывать в квартире у настоящего коллекционера. Это как в музей сходить!

Когда профессор услышал, что девушка согласна – страшно засуетился. Бросился собирать себе на поднос свою и ее грязную посуду, чтобы отнести в моечную. Но Инга отобрала поднос, иначе он бы все уронил – так суетился!

Профессор предложил пройтись до его дома пешком.

– Я живу недалеко от столовой. – сказал он. – Знаете за центральным парком район «сталинок»?

– Нет. – ответила она. – Я плохо знаю город.

– Ну, тогда идемте! Я Вам его покажу. Совершим послеобеденный моцион.

Они пошли пешком. Была середина сентября, погода стояла хорошая, теплая, даже жаркая для этого времени года. По пути профессор развлекал девушку историями из своей жизни. Она у него была богатая на события. Оказалось, что Дмитрий Евгеньевич даже поработал

замминистра нефтегазовой промышленности в какой-то южной республике бывшего Союза. Потом приехал сюда, стал преподавать. Два года назад у него умерла жена. «Пошла за хлебом, оступилась неосторожно и головой о бордюр...» Но профессор ничего так – бодрился! И все хвастался своими собраниями. Говорил, что когда девушка увидит – обомлеет.

6

Костю оставили скучать в приемном покое травматологии. Удивительно как много народу умудряется повредить себя в обычный сентябрьский день, когда стоит прекрасная погода, замечательная видимость и не скользко от дождя, или снега зимой. Обезболивающее которое ему вкололи в карете скорой помощи, стало потихоньку отпускать и ногу начал терзать очередной приступ боли. Кроме того настроение было отвратительным из-за сорвавшегося свидания. Он попытался представить, чем занята сейчас его девушка и в голову полезли грязные мысли. Костя ревновал Ингу. Она постоянно давала ему для этого поводы. Поэтому самым лучшим вариантом, конечно же, было сделать так, чтобы она всегда была при нем. Костя решил, что как только вылечит ногу – сразу же сделает Инге предложение. Зачем искушать судьбу дальше? А теперь надо срочно раздобыть мобильный телефон. Тот, который он раздобыл, чтобы позвонить Инге на месте падения, сердобольная старушка успела вырвать у него из рук в момент погрузки в карету скорой помощи.

Рядом сидел подросток с туго забинтованной левой рукой. Правой он тискал кнопки на своем мобильнике.

«Играет...» – догадался Костя.

– Слушай, парень... – окликнул он подростка.

Не отрываясь от игры, тот кивнул головой, давая понять, что услышал собеседника.

– Дай сделать один звонок с твоей мобилки...

Подросток нахмурился. Остановил игру и посмотрел на собеседника.

– Отмудохали? – спросил он, оценив внешний вид собеседника – испачканный в пыли костюм, забинтованную ногу и шишку на лбу.

– Что? – не понял вопроса Костя.

– Я говорю – где тебя так отмудохали? – развернул вопрос подросток.

– А-а... – понял Костя. – Нет... Это я неудачно упал...

– Ясн... – кивнул головой подросток. – А я со скейта навернулся... Лан... Две минуты...

Доиграю и дам...

– Мне срочно надо... – попытался настаивать Костя.

– Две минуты! – отрезал подросток и опять углубился в игру.

Костя нетерпеливо заерзал на кресле. Потом подался в сторону подростка и схватил его за сиреневую кисть перевязанной руки.

Подросток свечой взвился от боли и завыл благим матом.

– Я же сказал – мне срочно! – прошипел Костя. Притянул паренька за больную руку к себе и выхватил из здоровой руки телефон. Потом отпустил подростка и стал лихорадочно набирать номер мобильного матери.

Подросток, поскуливая, смотрел на странного пациента и убаюкивал больную руку. На большее он не решался, сидя рядом с таким психом.

– Да! – услышал Костя в трубке голос матери.

– Ма, это я! Я в центральной травматологии с переломом ноги! Мобильник разбился. Звоню с чужого. Приезжай! – быстро проговорил он, нажал на сброс и швырнул мобильник поскуливающему хозяину. – На – играй дальше!

На шум устроенный в приемном покое открылась дверь перевязочной, и высунулась голова дежурного хирурга.

– Что у вас тут?... – спросил он недовольно.

– Он у меня мобилу забрал. – всхлипнул подросток.

Костя, молча, показал на мобильник зажатый в здоровой руке подростка и развел руками.

– Так ведь отдал! Людям надо помогать! – резонно заметил хирург и призывно кивнул головой неудачливому скейтбордисту. – Заходи...

7

Было видно, что профессор к концу «послеобеденного моциона» устал. Говорил он реже. Появилась отдышка, и выражение на лице потеряло радушие, излучаемое в столовой. Теперь оно напоминало усталую гримасу марафонца, который выбрал неверный темп, не рассчитал свои силы и на последних километрах до финиша серьезно задумался – бежать ему дальше, или не бежать, а может лучше к чертовой матери сойти с дистанции.

На четвертый этаж, где была его квартира, профессор Карпов поднялся с усилием. Он запыхался. Крепко держался за локоть своей спутницы, останавливался на каждом этаже и грустно улыбался, как будто извиняясь.

Девушка уже подумала, что, скорее всего сегодня экскурсии не будет. Лучше гостеприимному хозяину вызвать врача, пока он не отправился следом за своей женой. Но когда они поднялись к нему на этаж, профессор немного воспрял духом.

Доверив Инге подержать сумку с камнями-самородками, он достал связку ключей, открыл входную дверь и попросил ее задержаться на лестничной клетке.

– Мне надо снять квартиру с сигнализации... – сказал профессор, вошел в квартиру один и прикрыл входную дверь.

Из-за прикрытой двери было плохо слышно, но девушка поняла, что он с кем-то разговаривает по телефону.

Через пару минут Дмитрий Евгеньевич впустил ее к себе. Помог снять куртку, дал тапочки, и они пошли осматриваться.

Квартира была большая, с длинным коридором, тяжелыми застекленными дверями, паркетным полом.

«Как у профессора Преображенского в „Собачем сердце“...» – решила девушка.

– Начнем с зала, не спеша... – предложил профессор.

Они вошли в зал, и у Инги сразу появилось чувство, что в комнате кто-то есть и пристально смотрит на нее. Вход в смежную с залом комнату охраняли две мраморные статуи обнаженных девушек, но следили за ней не они. Она оглянулась вправо и чуть не вскрикнула – на нее уставилась выпученными глазами дикая темнокожая человеческая физиономия в чалме на резном блюде, которое висело на стене.

– Голова мавра! – радостно воскликнул профессора. – Барельеф. Правда как живая?

– Да уж – жуткая физиономия. – ответила девушка. – Очень страшно!

Довольный произведенным эффектом профессор стал знакомить ее с остальными экспонатами, переходя из комнаты в комнату. Картины, фарфор, старинная мебель, мраморные статуи. Дом у Дмитрия Евгеньевича был действительно как музей! И обо всем он очень интересно рассказывал. Видно последнее удовольствие в жизни у человека осталось – созерцать свои сокровища.

Еще одним странным предметом этой экскурсии были руки профессора. Они у него оказались чересчур длинные, и как Инга не пыталась выдерживать между ней и хозяином квартиры дистанцию, руки его постоянно пребывали у нее на плече, на спине, или на бедре. Ей было непонятно; то ли профессор пытался таким образом удерживать равновесие, то ли грел о девушку мерзнувшие ладони.

8

Минут пятнадцать, или больше, Костя слушал завывания подростка из операционной, пока ему вправляли кости на руке.

Пришла стайка пацанов того же возраста, что и воющий за дверь подросток. Потопталась у дверей операционной.

– Да, хреново сейчас Вовану... – предположил один из них.

– Угу... – хмыкнул второй. Добыл из недр своей бесформенной куртки мобильник и украдкой полез в операционную снимать мучения приятеля, но был вытолкнут в макушку чьей-то перепачканной в гипс рукой.

Дружки потоптались пару минут, послушали стоны товарища и ушли курить на крыльцо приемного покоя.

Вместо них в приемный покой ворвалась мама Константина – Тамара Ивановна, женщина деятельная, настойчивая и стала руководить.

– Снимок сделали? – спросила она сына и увидев отрицательный кивок головой смело шагнула в операционную.

– Женщина. Вы куда?! – раздался из-за двери голос дежурного хирурга.

– Тихо! У меня там сын с переломом ноги, а его до сих пор на снимок не отправили. – сказала ровным безапелляционным тоном Тамара Ивановна.

– Окажем помощь одному больному, примемся за вашего ребенка.

– Вон у вас девушка сидит у окна сучает. Пусть выпишет направление на снимок. – категорично заявила мама.

– Маша, выпиши направление на снимок. – буркнул мужской голос. – Фамилия ребенка...

Дважды услышав «ребенок» Костя криво усмехнулся. Мама у него умела навести шороху. Тамара Иванова вышла из операционной переполненная чувством исполненного долга, слегка раскрасневшаяся, держа под руку медработника Машу. Они вдвоем сходили в кладовую, привезли коляску. Пересадили в нее Костю и отвезли его на снимок. После снимка Костю отвезли в операционную.

Хирург и операционная сестра долго препирались с его мамой и, наконец, выпроводив ее, принялись за сломанную ступню.

В это время Костя уплывал куда-то в разноцветных снах от принятого наркоза.

Очнулся он на заднем сидении такси. Поездка в старой Волге-24 – это как на мягком диване. Но сейчас, после наркоза, он не оценил всех удобств. Страшно мутило. Поэтому, чтобы не обгадить салон, Костя быстро опустил стекло и жадно глотнул свежего воздуха.

– Я решила тебя забрать из больницы. – сообщила ему мама. – Если у них так работает приемный покой, значит и в отделении не лучше. Слава Богу, у тебя там не перелом, но серьезный вывих голеностопного сустава с разрывом связок. В гипсе придется побыть 5 недель и годик походить в ортопедической обуви.

Костя посмотрел на свою ногу «обутую» в гипс, почему-то представил себе уродливые ботинки с железными подпорками и скривился.

– Ничего, сына – подбодрила его мать. – Сейчас приедем домой. Водитель поможет нам дойти до квартиры (по унылому взгляду водителя, брошенному в зеркало заднего вида, было ясно, что он не совсем согласен с этим предположением) ... Я тебя уложу и окружу материнской заботой. Пойдешь на поправку как миленький. Скоро будешь танцевать!

Но Костю больше беспокоило другое. Где сейчас Инга?

С этими мыслями он был доставлен мамой и таксистом со всеми предосторожностями домой и уложен в кровать.

Водитель получил свою плату и остался доволен. К чести мамы она всегда щедро благодарилась за оказанные ей, кем бы то ни было, услуги.

Пока Костя, кривясь от боли, пытался устроиться на кровати с загипсованной ногой, Тамара Иванова похлопотала на кухне и прикатила на сервировочном столике большую дымящуюся кружку куриного бульона, горку пшеничных гренок и разобранную отварную курицу. Все то, что раньше Костя с удовольствием умял бы за обе щеки.

– Мама, я не хочу есть. – поморщился Костя. – Меня до сих пор мутит от наркоза.

– Ничего! Надо сделать над собой усилие и попить бульончика. – ответила мама.

– Не-хо-чу! – упрямо сказал Костя. – Мне срочно нужно разыскать Ингу, а телефон украли.

– Мама, это нужно сделать! – добавил он, видя как у матери возмущенно поползли вверх брови.

– Сын, тебе сейчас надо беспокоиться о своем здоровье. Девочек много – а оно одно!

– Мама! Каких девочек? Это не девка! Это моя любимая девушка! Мы с ней год встречаемся!

– И что я теперь должна сделать?

– Срочно найти мне новый телефон! – процедил сквозь зубы Костя. Он старался сдержать накатившие чувства злобы на родную мать и дурноты от наркоза.

– Зачем? Ты о ней беспокоишься?

– Да!

– Нет – ты ей не доверяешь! Потому что она девка! Если бы она была твоя девушка, то она сейчас помогала бы твоей маме ухаживать за тобой!

– Она не в курсе... – промычал Костя.

– Черта с два! Ты скорее забыл бы позвонить собственной матери, но этой девке ты позвонил перво-наперво! Я уверена на все сто!.. – мать оборвала свою тираду, так как Костю от обезболивающего и большого перенапряжения вывернуло прямо на ковер.

9

Два часа экскурсии по квартире профессора Карпова прошли незаметно. Профессор показал наиболее ценные и интересные экспонаты. Заставил гостью подержать в руках чашечки и блюдца из дорогих коллекционных сервизов, полюбоваться причудливыми расцветками драгоценных и полудрагоценных камней, рассмотреть узоры на инкрустированной мебели и персидских коврах.

Попытался познакомить девушку со своей обширной библиотекой, но увидел, что гостье это неинтересно.

– Тогда идем пить кофе! – предложил хозяин.

В коридоре ему наконец-то удалось пристроить свои руки на плечи гостьи. Инга уже смирилась, и он повел ее на кухню, так как будто у нее были завязаны глаза. Ладони профессора трепетали на плечах Инги как две напуганные птицы.

Кухня, в отличие от всей остальной богато обставленной квартиры, выглядела скромно: плита, стол, буфет, выкрашенный белой эмалевой краской, несколько навесных ящичков в зоне готовки и четыре табуретки.

Хозяин принялся готовить кофе.

– Вы любите кофе? – спросил он свою гостью.

– Не знаю... – пожал плечами Инга. – Мы с мамой его почти не пьем.

– Ну, что Вы! – воскликнул профессор, взяв с «туркой» и пакетом кофе. – Кофе надо пить. Это божественный напиток...

– Кстати... – заговорщицки посмотрел он на свою гостью. – А Вам можно выпить что-нибудь покрепче кофе?

– Что покрепче? – Инга рассмеялась.

– Вы когда-нибудь пробовали абсент?

– Нет. А что это?

– У-у-у... – профессор загадочно закатил глаза. – Очень необычный напиток. В позапрошлом веке этот богемный нектар называли «Зеленая фея» из-за его цвета и действия на сознание.

– Ну, я не против небольшой дозы алкоголя... – осторожно сказала Инга. – Но странное действие на сознание... Может лучше не стоит?...

– Нет-нет. Это не наркотик. Это просто крепкий алкогольный напиток. Обычно его пьют, разбавляя водой. Опыняющий эффект абсента несколько отличается от обыкновенной выпивки. В *лучшую* сторону. Хотите попробовать чуть-чуть?

Все еще сомневаясь, Инга нерешительно пожала плечами.

Профессор показал пальцем на плиту, чтобы девушка следила за кофе – как бы он не убежал из «турки», ушел к себе в кабинет и вернулся с целым набором посуды на серебряном гравированном подносе. Там стоял хрустальный приземистый графин с изумрудного цвета жидкостью, хрустальные бокалы, по форме больше похожие на стаканы на низких ножках, серебряная чеканная сахарница и две плоские ложечки.

Профессор Карпов поставил поднос на стол. Вовремя снял с плиты вскипевший кофе, разлил его по чашкам и начал священнодействовать над абсентом. Он аккуратно налил его в стаканы. Сверху на бортики стаканов положил ложечки. На ложечки положил кубики сахара и достав из холодильника пластиковую бутылку с водой полил водой поочередно каждый кусочек сахару.

Вода, смешавшись с сахаром, потекла в хрустальные стаканы и абсент из прозрачно-изумрудного стал мутно-зеленым.

– Ну вот... – сказал профессор и придвинул один стакан гостье. – Пробуйте...

Инга взяла свой стакан, принялась и осторожно отхлебнула. Абсент оказался очень крепким и странным на вкус. Покатав жидкость во рту, она глотнула и удовлетворенно кивнула, давая молчаливую оценку напитку.

Профессор поднял свой стакан, чокнулся с гостьей и тоже немного отхлебнул абсента.

Инга с готовностью повторила свой опыт питья абсента еще раз, и еще раз... В голове приятно зашумело. Стало беззаботно весело.

– Ну как Вам у меня – понравилось? – спросил профессор Карпов и в очередной раз чуть-чуть пригубил свой стакан абсента.

– Очень понравилось... – улыбнулась Инга.

– А где живете Вы?

– А я живу с мамой в пригороде, в двухкомнатной «хрущевке».

– Согласитесь, Инга, что жить в такой квартире, как моя, гораздо приятнее... – вкрадчиво спросил профессор, хитро улыбаясь.

– Соглашусь, профессор...

– Ну вот... Вы ведь уже взрослая девушка и можете сами выбирать где Вам жить?...

– Да я уже взрослая и вполне самостоятельная... – Инга допила абсент и, хотя в голове уже сильно шумело, ей захотелось еще. Но она не решилась попросить об этом хозяина.

– Я налью Вам еще, Инга? – спросил профессор, пододвинув к себе пустой стакан девушки.

– Я надеюсь на Вашу порядочность, профессор. – кокетливо сказала Инга, захмелев она немного растягивая слова. – От этого напитка действительно странное опьянение. Вы ведь знаете, сколько можно выпить молодой девушке, чтобы не оскандалиться в гостях?

– Инга, я уже достаточно пожил на этом свете и точно знаю сколько можно выпить девушке абсента, чтобы не чувствовать себя неловко потом...

– Тогда наливайте мне еще! – согласилась она. – А почему Вы спрашиваете о моей самостоятельности и свободе выбора?

Профессор пригубил свой стакан и задумчиво посмотрел на гостью.

– Я живу в этой квартире один, и мне порою бывает очень одиноко... – ответил он и слегка замялся. – ... Я вдруг подумал, что если бы одна умная и красивая женщина, ... или девушка согласилась бы пожить здесь в качестве компаньонки, доброй знакомой?...

Инге уже хотелось пожить в этой квартире. Но так, чтобы профессор вел себя как джентльмен:

– Профессор, любая разумная молодая женщина захочет узнать какие у нее гарантии в том, что Вы будете вести себя порядочно и не позволите себе ничего предосудительного в ее сторону...

– Вы же видите, Инга – я безвреден... – встрепенулся профессор.

– Опять же, в чем интерес этой молодой женщины? – перебила его Инга. – Просто пожить какое-то время а потом уйти?

– Нет, конечно! – профессор взмахнул обеими руками, как бы отгоняя эти домыслы. – Она должна понимать, что помогает пожилому мужчине скрасить одиночество, и за это мужчина в качестве благодарности не имея прямых наследников... Ну, в общем, эта дама может рассчитывать на то, что у нее будет минская прописка и эта квартира, со временем, будет ее...

Инга захотела сказать профессору что-то теплое и ободряющее, но тут ее сознание померкло. Девушка покрутила головой, пытаясь отогнать хмель, потеряла равновесие и стала крениться на бок. Если бы профессор не подхватил ее, Инга могла бы упасть.

Профессор отвел ее к себе в спальню и осторожно раздел гостью, оставив на ней трусики и бюстгальтер. Девушка не сопротивлялась, а смотрела на профессора с пьяной развязной усмешкой. Затем он откинул полог одеяла и помог Инге лечь.

Инга пристально посмотрела на хозяина, повернулась на бок, закинула правую руку за спину и расстегнув бюстгальтер, стянула с себя этот предпоследний элемента своего гардероба, затем свернувшись калачиком, накрылась одеялом, закрыла глаза. Через минуту она уже сладко посапывала.

Профессор какое-то время ходил кругом кровати, любуясь девушкой. Дотронулся своей сухой ладонью до ее обнаженного плеча и почувствовал, как сладкая истома разлилась во всем теле. Дмитрий Евгеньевич, не раздеваясь, прилег рядом и обнял уснувшую гостью. Внизу живота радостно защекотало, и побежали мурашки.

«Может овладеть ей?... – сладострастно подумал он, с дрожью вдыхая теплый аромат ее тела. – А если вспугну?хлопот не оберешься! Нет, я буду приручать ее как пугливую лань...»

Он встал с кровати и пошел в кабинет. Там Дмитрий Евгеньевич пытался в течение пары часов совладать со своими растревоженными мыслями. Он стоял возле стеллажа с минералами, перебирал камни и размышлял. Ему несказанно повезло с этой девушкой. Он уже несколько раз приглашал к себе молоденьких женщин, с которыми знакомился в той диетической столовой, пытался подпаивать их, но, ни с одной, не дошел так далеко. Чем черт ни шутит – может быть, она действительно останется жить у него? Девочка вроде сговорчивая и без комплексов. Она поняла его намек на столичную прописку и квартиру в будущем. Фантазия его бурно разыгралась, подсказывая всевозможные варианты их дальнейших отношений.

Потом профессора Карпова отвлек мелодичный звонок. Он вспомнил, что так звонил мобильный у его гостьи в течение этих нескольких часов, пока она была у него. Профессор вышел в коридор и прислушался.

Телефон звонил в кухне.

Он зашел в кухню, быстро нащупал в сумочке Инги телефон и достал его. На экране светилась надпись «Костя».

Профессор покрутил телефон в руках. Увидел на боковой панели кнопки со значками плюс и минус и нажал несколько раз на минус. Телефон затих. Дмитрий Евгеньевич положил его обратно в сумочку. Помялся. Снова порылся в сумке. Нашел паспорт гостьи. Ушел с ним

к себе в кабинет, где на всякий случай переписал все данные. А потом, вернув все на место, зашел в ванну, умылся, переоделся в пижаму и, зайдя в спальню, лег рядом со спящей девушкой. На душе было тихо и радостно. Сегодня он не один – в его постели спит молодая женщина.

Он ничем не мог и не смел навредить своей гостье. Он мог только осторожно прижиматься к ней и гладить ее тело своими шершавыми прохладными ладонями. Это был его новый ценный экспонат.

Прижавшись к Инге, профессор незаметно задремал и проснулся только под утро, когда почувствовал, что замерзает. Оказалось, что его гостя, озябнув во сне, стянула все одеяло на себя и основательно в него закуталась.

10

Этой ночью Костя довел себя до полного истощения. Он не мог спать. Сильно болела нога, но это было фоном для другой изматывающей боли. Он не давал себе заснуть мыслями об Инге. Его терзала беспощадная ревность. Костя навывдумывал себе целый ворох грязных мыслей об измене Инги и смаковал их во всех подробностях, доводя себя до исступления.

Инга девушка ветреная. Костя это прекрасно знал. Глухие намеки о ее легком поведении долетали до него от доброжелателей постоянно. У него не было прямых улик, но он сам подозревал ее в запредельном флирте с некоторыми общими знакомыми. И как Костя ни старался отмахнуться от слухов и подозрений, но ревность находила лазейки, чтобы растревожить душу, заставляя ревновать по поводу и без. Он упивался этим ядовитым чувством, не имея возможности излить его на объект своего обожания. Один раз Костя попробовал выяснить отношения, но Инга заявила, что если еще раз она увидит его вспышку ревности, то они расстанутся навсегда. Костя побоялся «расстаться навсегда». Единственное, что могло притупить ревность – это постоянно держать Ингу на виду, по мере своих возможностей. А теперь она пропала, и целый вечер он не мог до нее дозвониться!

В семь утра, совершенно измотанный, он решился позвонить Инге на домашний телефон, не смотря на то, что трубку может снять ее мать. Они с ее мамашей терпеть не могли друг друга. И что странно эта неприязнь возникла на пустом месте. Просто один раз увиделись на дне рождения Инги и от всей души стали презирать друг друга.

Возможно, убеждал он себя, у нее что-то случилось с мобильным телефоном, а он как дурак долбил на него целый вечер со своего и мамино мобильного. А сейчас рано утром она уже должна быть, при любых обстоятельствах, дома. Во сколько бы ни пришла вчера домой Инга, она должна была вернуться не позже двенадцати – начала первого. В это время на ее станцию приходила последняя электричка и Инга, ни при каких обстоятельствах, ее не пропустит. Значит, в семь утра он застанет ее дома.

Костя резко сел и сильная боль скрутила ногу так, что даже дыхание перехватило. Он тупо смотрел в пространство, потихоньку восстанавливая дыхание и пережидая, когда притупится боль. Появилась большая проблема – он не может самостоятельно добраться до домашнего телефона. Наконец способность мыслить спокойно вернулась. Он взял мобильный и набрал телефон своей мамы.

– Что, сына?! – она ворвалась в комнату через пять секунд, растрепанная, в наспех накинутом на ночную рубашку халате.

– Мама, дай мне домашний телефон.

Мать вышла и вернулась с трубкой радиотелефона.

– Семь часов. – проворчала она, протягивая сыну трубку. – Рано еще звонить...

– Угу... – буркнул в ответ Костя. Он вдруг сообразил, что позвонить-то можно было и со своего мобильного, а не тревожить мать.

Костя набрал номер телефона. К трубке долго никто не подходил, и звонок автоматически сбросился. Костя растерялся – допустить, что никого нет дома у Инги, он не мог. Может,

не слышат? Костя снова набрал номер и стал считать гудки. Даже если ее мать сегодня в ночную смену – Инга должна уже услышать, как звонит телефон и подойти.

На десятом гудке в трубке щелкнуло, и он услышал недовольное сонное: «аллэ...». Это была ее мама.

«Неудачное начало...» – подумал Костя. Однако сейчас было не до церемоний. Костя чертыхнулся про себя и сжав волю в кулак выдавил из себя:

– Надежда Семеновна, здравствуйте. Ингу можно?

– Костя – это ты? – недовольно спросили его на том конце провода.

– Да...

– Костя, – семь утра! – сердито буркнула мама девушки. – Я только заснула после ночной. Ты хочешь меня довести до инфаркта?

– Надежда Семеновна, Ингу можно позвать? – стараясь ничем не выдавать раздражения, повторил свою просьбу Костя.

– Инги нету! Я думала она с тобой... – мать Инги последнюю фразу произнесла с намеком и запнулась, подыскивая продолжение для того чтобы прояснить, что она думает по поводу того чем они вместе с Костей занимаются. Что поделаться – мама Инги женщина простая, работница обойной фабрики.

– Как нету? – растерялся Костя. – Семь утра! Она должна быть дома!

– Вот так нету! Подожди!... – мать Инги снова запнулась. До нее дошло, что ее дочь не ночевала дома и ее разыскивает парень, у которого она должна была бы находиться, если уж не ночует дома. – Она вчера меня поставила в известность, что встречается с тобой!

– Надежда Семеновна, мы не встретились. Я ногу сломал!

– Дэ-э?... – этим пренебрежительным производным от «да» она выразила все: и сочувствие, и растерянность, и злорадство, у Кости даже скулы свело от злобы на это «дэ-э». – А где же Инга?

– Не знаю! – рявкнул Костя на тугодумную мамашу. – Я со вчерашнего вечера не могу до нее дозвониться и очень надеялся, что хотя бы мать знает, где находится ее беспутная дочь!

– Не ори на меня, сопляк!... – огрызнулась мамаша, но Костя не дослушал и бросил трубку.

«Очень неразумно сделал... – попенял он сам себе. – Рано или поздно она выйдет на связь со своей мамашей!... Ну и хрен с ним! Разберемся!»

Костю начал бить крупный озноб от бешенства – ревность вступила в крайнюю стадию обострения. Парень с головой зарылся под одеяло и, что есть силы, стукнул по загипсованной ноге здоровой пяткой. Боль вспыхнула с новой силой.

ЭТА ВЕРТЛЯВАЯ СУЧКА УЖЕ НЕ НОЧУЕТ ДОМА?! МОЖЕТ ОНА НАШЛА ЕМУ ЗАМЕНУ?! ОН ПЕРЕД НЕЙ СТЕЛЕТСЯ КАК КОВРИК, А ОНА ТОЛЬКО ОБ НЕГО НОЖКИ СВОИ ВЫТИРАЕТ?!

Полчаса Костя грыз простыню и кусал себе пальцы, чтобы не завывать от безысходной ревности и боли, выворачивающей ногу. О том, что с девушкой могло что-то случиться, Костя не допускал мысли. Беда приключается с хорошими людьми (тут он подразумевал в виду и себя), а «подлецов», «шалав» и «прошмандовок» они обходят стороной. Какая же Инга оказалась дрянь – бросила его тогда, когда ему так необходимо ее сочувствие и участие!

Наконец совладав со своими переживаниями, Костя решил еще раз перезвонить на дом к Инге.

– АЛЛЮ!... – хриплым заспанным голосом гаркнула в трубку ее мать.

– Надежда Семеновна, Вы узнали что-нибудь про Ингу? – как можно мягко и спокойно спросил Костя.

– Да!... Она скинула мне «сэмэску» что у нее все хорошо!... – рявкнула мамаша и бросила трубку.

– СУКА! – заревел в ярости Костя и швырнул трубку в стену. Следом полетел и его мобильный. – У НЕЕ ВСЕ ХОРОШО? НЕУЖЕЛИ?!? НЕТ УЖ, ТЕПЕРЬ У ТЕБЯ ВСЕ БУДЕТ ТАК ХРЕНОВО, ЧТО ТЫ ДАЖЕ НЕ ПОДОЗРЕВАЕШЬ, КАК МОЖЕТ БЫТЬ ХРЕ-НО-ВО-О-О!!!!

Вбежала мать, попыталась успокоить сына и силой уложить его на подушку, но он отпихнул ее и, схватив с тумбочки настольную лампу, стал колотить ее подошвой по загипсованной ноге, перестав замечать боль.

Успокоить разбушевавшегося парня удалось бригаде скорой помощи, которую вызвала насмерть перепуганная Костина мать. Ему дали успокоительное, обкололи больную ногу местным обезболивающим, вытерли пену, выступившую на губах, взяли с матери расписку, что она добровольно отказывается от принудительной диспансеризации ее сына в психоневрологический стационар, накапали ей корвалол и уехали, оставив Костю безвольно пускать слюни на подушку.

11

Для большинства людей второй, по неприятности, звук после жужжания бормашины – это звон будильника. И не важно, что это за звук – дребезжание старого бабушкиного будильника с молоточком и медными тарелочками, или настроенный на определенное время радиоприемник, или телевизор, или тихий звонок мобильного – все равно душа противится этому звуку...

Инга была разбужена тихим жужжанием своего мобильного, услужливо положенным профессором Карповым на тумбочку, рядом с кроватью. Она сонно приоткрыла веки, бессмысленно посмотрела на мобильник, крутящийся вокруг своей оси, как перевернутый на спину жук и снова закрыла глаза – в разомлевшем от глубокого сна теле еще не было сил выключить телефон.

Жужжание не умолкало, и сознание потихоньку возвращалось в ее сонную голову. Первое что оно подсказало – это то, что Инга видела свой мобильный телефон на тумбочке у кровати. Второе – это то, что она находится в незнакомой комнате. Третье – голова тяжелая и не болит, значит, она вчера выпила, но перебора с выпивкой не было.

Тогда почему она ничего не помнит?

Инга снова открыла глаза и осмотрелась. Она лежала в чужой спальне одна на большой двуспальной кровати. В приоткрытую дверь заглядывала жуткая физиономия мавра с выпучеными глазами. На кухне кто-то гремел посудой.

Инга села на кровати, кутаясь в одеяло. Она вспомнила мавра и цепляясь за это воспоминание стала восстанавливать в памяти ход вчерашних событий. Ее пригласил в гости показать коллекцию какой-то антикварной всячины пожилой мужчина. Она часа два рассматривала эти собрания. Потом они пошли пить кофе. Пока варился кофе, ей предложили выпить какую-то настойку, название которой она не помнит, и которая напрочь выключила ее мозг.

Девушка осторожно заглянула под одеяло, а потом еще раз осмотрела комнату – ее уложили спать почти полностью раздетой, а одежду аккуратно разложили на стуле. Может ее напоили, чтобы надругаться?

Инга прислушалась к своим ощущениям, но чувства перенесенного насилия не было. Она отдохнула и хорошенько выпалась. Только небольшая тяжесть в голове. Она еще раз постаралась восстановить вчерашние события. Была экскурсия. Был кофе с ... «абсентом» – она наконец-то вспомнила странное название выпивки. Дошла до момента, как ей предложили жить в этой большой квартире (а было ли это?), и дальше сознание отказывалось добывать из своих недр новые факты. Инга посмотрела на примятую подушку рядом с той, на которой она спала. Потом прилегла и понюхала обе подушки. Подушка, на которой она спала, пахла ее шампунем для волос, а подушка рядом пахла чужим запахом. Значит, он спал вместе с ней. Девушка еще

раз прислушалась к ощущениям своего сонного тела. Нет, профессор ничего себе лишнего не позволил – она была уверена в этом.

Снова зажужжал мобильный.

Инга подоткнула под себя одеяло и потянулась за телефоном, однако кровать была настолько широкой, что с первого раза дотянуться до него не удалось. Она подползла к тумбочке, путаясь в одеяле и взяла свой жужжащий мобильник.

Звонила мама.

Опять Инга вспомнила странное предложение профессора. Вчера оно казалось вполне приемлемым. А сегодня странным – все как-то быстро произошло, пригласили в гости и заодно предложили тут пожить. Может он специально ее подпоил и запудрил мозги чтобы изнасиловать беспомощной, а сам из-за возраста не смог?

Инга решила отложить разговор с мамой до того момента, как выяснит – предложение было настоящим, или пьяной болтовней. Она быстро набрала смс-ку: «Мама, у меня все хорошо. Перезвоню позже.», отправила ее и проверила все свои неприятые вызовы. Кроме утреннего маминого звонка было еще тридцать неприятых вызовов от Кости, столько же с незнакомого номера из чего она сделала вывод, что Костя пользовался чьим-то телефоном.

Инга нахмурилась, обмоталась одеялом, прихватила со стула в охапку свою одежду и пошла в ванну принять душ, вернуть голове способность соображать и выяснить, что вчера ей предложил этот странный мужчина.

Ванная комната находилась рядом с кухней. Из кухни шел запах поджаренной яичницы и было слышно, как хозяин возится у плиты. Инга не стала заглядывать в кухню, а для начала решила привести себя в порядок.

В ванной она скинула одеяло на пол, стянула трусики, одежду развесила на пластмассовые крючки для полотенец, залезла в ванну, включила воду и стала настраивать температуру воды. Тут она услышала скрежет табуретки по полу в кухне и глухой стук в окошко над ванной. Девушка подняла взгляд и быстро дернула на себя полиэтиленовую занавеску для душа, чтобы как-то прикрыть наготу.

В окне сквозь легкий туман от пара было видно лицо профессора с приплюснутым носом. Его глаза осматривали девушку с беззастенчивым интересом.

Инга поняла, что разговор был не пустой и предложение остается в силе и сдержанно улыбнулась. Однако принимать душ под пристальным взглядом профессора она еще была не готова.

«Хотя в дальнейшем можно будет попробовать!» – решила она.

В кухне загрохотала табуретка. Лицо профессора исчезло. Инга беззвучно рассмеялась – «профессор мой» – подумала она. Быстро ополоснулась, надела на мокрое тело трусики и бюстгальтер, накинула на себя одеяло и пошла в кухню посмотреть не разбился ли ее новый сожитель и меценат.

12

День задался с самого утра. Егор это чувствовал. Он чувствовал, что ему сегодня будет сопутствовать удача. И все потому, что он вчера как следует подготовился к встрече с удачей.

Вчера выдали зарплату и премиальные. Деньги получились немалые для него – одинокого холостого парня. Он твердо отказался от традиционного похода в бар с сослуживцами, ушел пораньше домой, так как уже предчувствовал приход удачного дня.

Сегодня утром он проснулся ни свет ни заря, с ясной головой и твердой уверенностью, что удачный день настал. Повалился в кровати, планируя свою встречу с удачей. Потом принял душ, побрился. Перекусил на скорую руку яичницей и крепким чаем. Выбрал, что оденет для встречи с удачей. Больше всего подходила сорочка в тонкую синюю полоску, джинсы-классика, бежевый замшевый пиджак и мокасины.

На встречу с удачей он поехал на такси и приехал как раз вовремя. Зал игровых автоматов открылся в одиннадцать, и Егор был первым посетителем. Удачу некому было вспугнуть. Всякая шушера подтягивалась к обеду, еле разлепив глаза после тяжелого похмельного сна.

Егор молча поздоровался за руку с охранником. Подошел в кассу. Наменял жетонов на треть своей премии (все правильно – к скупым удача не ходит). И пошел вдоль автоматов, пытаясь интуитивно вычислить который из них принесет ему удачу.

Это был пятый по счету никелированный монстр «Блэк Джек» – так подсказала интуиция. Егор без суеты уселся на высокий табурет у автомата и сделал первую ставку. На часах было одиннадцать десять.

Время шло. Он растратил последнюю треть своей премии, а удача все не приходила. Егор убеждал себя, что удача любит настойчивых, упрямых и уже подумывал о том, что, скорее всего, придется залезть в НЗ – свою зарплату. Все равно ее не хватит для раздачи всех его долгов. А вот когда он отыграется, то рассчитается сполна! Но автомат упрямо пожирал жетоны и лишь изредка выплевывал ему обратно мизерное количество в качестве поощрительного приза за настойчивую игру.

Сомнение посетило Егора тогда, когда он в очередной раз поменял на жетоны свое денежное довольствие и пошел к уже ненавистному автомату. Этот никелированный сукин сын сожрал всю его премию и восемьдесят процентов зарплаты! А ведь Егор, забравшись в свой НЗ, уже старался скармливать наживку для удачи не так щедро, как поступил со своей премией. Но мигающая огоньками и лоснящаяся от удовольствия черным пластиком и никелем машина сожрала почти все.

Сомнение – это самое противное и всепроникающее в душу чувство человека. Оно просачивается в мозг, как тухлый запах сквозь невидимые щели и начинает разъедать даже самую сильную волю к победе. Егор потоптался перед автоматом и пошел в туалет перекурить и вернуть себе уверенность в удачу.

– Серега, дай сигарету... – попросил он охранника дежурившего на зале. – И скажи, чтоб не занимали мое место. – бросил он, направившись в мужскую комнату.

Охранник вежливо-понимающе ухмыльнулся и кивнул головой.

Егору эта ухмылка не понравилась, но он решил пока оставить охранника в покое, а сосредоточиться на автомате.

Потратив пять минут на перекур и оправку, Егор вышел из туалета с новой порцией энтузиазма. И тут он увидел, что возле автомата стоит какой-то долговязый хмырь неопределенного возраста в рубаше навыпуск и джинсах, висевших на тощих ногах как на вешалке, и уже сует в жадную никелированную щель «Блэк Джека» свой жетон.

– А ну – стой! – рявкнул Егор и бросился к автоматам.

Хмырь, не обернувшись, лениво пожал плечами, бросил в щель жетон, стукнул по клавишам, и Егор увидел и осознал, что удача, которую он сегодня прикармливал полдня и истратил на нее все свои деньги, улыбнулась не ему, а этому долговязому. Автомат замигал всеми встроенными в него лампочками и стал извергать в лоток водопад выигранных жетонов.

Хмырь зачерпнул из лотка первую горсть жетонов и сыпанул в свой литровый пластиковый стакан.

– Серж, что ж ты, суко!.. – писклявым, от обиды на судьбу и бездушных людей, голосом взвизгнул Егор. – Я же просил не занимать!

Он ринулся к хмырю, выгребаящему из лотка ЕГО выигрыш.

– Егор... – охранник на зале попытался остановить обезумевшего от горя посетителя, но получил в челюсть резкий удар кулаком. Не ожидая такого удара, охранник качнулся и отпустил Егора.

Егор подскочил к хмырю, схватил его за запястье, пытаясь выкрутить ему руку и прижать к автомату. Но хмырь оказался тертым калачом – он ловко вывернул руку, развернулся к напад-

давшему и коленом ударил того в пах. Егор охнул, скорчился в три погибели, несколько раз присел, чтобы восстановить дыхание и унять острую боль. Хмырь принялся энергично выгребать остатки выигрыша из лотка. К ним уже бежала охрана казино. У Егора оставались считанные секунды, чтобы забрать причитающийся ему выигрыш. Он схватил один из табуретов, стоявших рядом с автоматами, и обрушил его на плечи отвернувшегося от Егора хмыря. Хмырь ударился головой в автомат, выпустил стакан с жетонами и они весело запрыгали по полу.

«Собрать выигрыш и ходу!... – решил Егор. – Потом подключу своих, и они вынудят казино обменять мне жетоны. Иначе прикроем к черту эту лавочку!»

– Стоять! – заорал он подбегающим охранникам и выхватил из пиджака милицейское удостоверение.

Охрана замерла, но пришедший в себя хмырь удостоверения не видел. Он поднял такую же табуретку, которой только что ударили его и обрушил на спину своему обидчику.

Егор рухнул как подкошенный.

Охрана бросилась на него, разрядила ему в бок, на всякий случай, заряд электрошокера, связала и вызвала патруль. Заодно они решили задержать бедолагу хмыря который поднял руку с табуреткой на служителя закона.

13

В восемь часов вечера Аркадий Гитлин и Стас Шполянский встретились в старом четырехзвездном отеле «Минск», в номере Аркадия.

Оба были антикварными маклерами, хотя по профессии Стас был адвокат, специализировался на гражданском праве и слыл большим докой в махинациях с наследством.

Аркадий Гитлин происходил из старой еврейской фамилии ростовщиков и менял, был гражданином Австрии, где осела в середине пятидесятых годов двадцатого века его сильно потрепанная второй мировой войной семья. Имел белорусские корни, вследствие этого хорошо говорил на русском языке. Работал банковским клерком, точнее менеджером по работе с частными клиентами. С состоятельными клиентами! Многие из них были страстными собирателями всего того, что в паре со Стасом они могли купить дешево у бестолковых наследников здесь в Беларуси и перепродать втридорога на Запад в частные коллекции.

Сегодня Гитлин прибыл дневным авиарейсом из Вены и срочно вызвал к себе Стаса.

Во-первых, у них собралась партия груза, которую надо было переправить в Австрию. Все было вполне законно – Стас Шполянский тщательно готовил документы и «окно», но имея дело с антиквариатом и коллекционными раритетами всегда надо держать ухо востро и стараться нигде лишний раз не светиться. Такая работа требует тщательного обсуждения действий, чтобы все прошло без излишней суеты и досадных накладок.

Во-вторых, у Аркадия появился очень интересный заказ.

Начало всему положил Стас. Как-то он рассказал своему подельнику о стареющем коллекционере, который недавно потерял жену и теперь был один на этой земле, как перст. У этого собирателя было много интересного в коллекциях. Но самыми интересными, пожалуй, могли быть две мраморные скульптуры – предположительно этюд к «Трем грациям» Кановы.

Вообще-то их должно было быть три, так же как и в самой композиции, но этюдный комплект распался еще в оккупированной советскими войсками Австрии во Вторую Мировую. Две скульптуры в обозах солдат-победителей были перевезены в Советский Союз как трофеи и проданы через антикварный магазин отцу знакомого Стаса Шполянского.

Это была первая часть истории про граций. Ее и передал Аркадию Стас Шполянский со слов своего пожилого, одинокого приятеля.

Вторую часть истории, про третью грацию, Аркадий узнал у себя на родине в Австрии благодаря забавному стечению обстоятельств.

Перед уходом на рождественские каникулы его банк устроил, как и положено, корпоративный праздник. Как и положено, все основательно нагрузились разнообразной выпивкой и стали чудить. Аркадий умудрился учудить служебный роман ни с кем-нибудь, а с дочерью шефа! Дочь оценила смелость и внешние данные Аркадия. Взяла его в оборот и по прошествии нескольких месяцев их бурного романа, привезла на званый обед к ним в поместье, пока папа был в деловом турне (раз уж Аркадий так робеет перед отцом). Там она познакомила своего нового бойфренда с мамой, видимо тем самым давая понять, что участь Аркадия решена. Аркадий не стал противиться. Ему было уже хорошо за тридцать. Девушка была недурна собой, из такой семьи... Могла получиться выгодная партия. Чего терять такой шанс?

Снедаемая нежной страстью, под видом того, что хочет показать другу дом, девушка затаскала Аркадия в папин кабинет для уединения. Там в кабинете Аркадий и увидел третью грацию. Решив, что это копия, Аркадий не обратил сперва на статую особого внимания и предался любовным утехам на персидском ковре в кабинете босса. Но уже потом, как бы между прочим, спросил у подружки что это за скульптура. Дочь шефа рассказала, что скульптуру, как залоговую гарантию, прибрал в послевоенной суматохе ее дедушка – отец директора банка, в подчинении у которого сейчас служит Аркадий Гитлин.

Услышав это, Аркадий на секунду онемел, понимая, какой куш он может отхватить, кроме дочурки босса, если дело сложится. Через подругу Аркадий передал своему шефу первую часть истории о двух других сестрах грациях.

И вот директор-сын, движимый сыновней любовью и азартом собирателя, узнав, что нашлись две недостающие скульптуры, решил купить их за два миллиона евро.

Сумма была настолько внушительной, что Аркадий решил озвучить Стасу только ее часть. Большую часть, но не всю.

– Смотри, Стас. – начал Аркадий, глотнув из рюмки клюквенной водки «Финляндия». – Я нашел последнюю из трех граций.

Он достал из портфеля две фотографии и положил их на журнальный столик между тарелками с нехитрой закуской.

Одно фото было невысокого качества. На ней были запечатлены две мраморные грации, стоящие в большой комнате старой советской квартиры, по бокам застекленной двухстворчатой двери. На второй фотографии была снята третья сестра-грация. Эта фотография была хорошего качества, запечатлела интерьер комнаты, обставленной дорогой старинной мебелью. Грация стояла в углу комнаты и выглядела одиноко.

Стас взял второе фото (первое сделал он украдкой от хозяина квартиры и прекрасно знал, что там сфотографировано) и стал с интересом рассматривать. Да это была третья сестра-близнец граций Кановы. Двух других он не раз видел в квартире профессора Карпова.

Он одобритительно кивнул головой, предлагая Гитлину продолжить рассказ, и отхлебнул водки из своей рюмки.

– Так вот, третья сестричка желает соединиться с двумя своими русскими кузинами... – продолжил Аркадий в шутовском тоне.

– Ты думаешь предложить ее моему знакомому? – удивился Стас.

– Нет. – ответил Аркадий. – Мы предложим этих двух сестричек моему клиенту. За все за это хозяин третьей грации нам предложил один миллион пятьсот тысяч евро! Плюс накладные расходы...

В последний момент Аркадий Гитлин совладал со своей жадностью, чтобы не округлить сумму до миллиона.

Стас выжидающе уставился на партнера, как глядит умный сеттер на своего хозяина, учуяв дичь в кустах. Он не стал переспрашивать сумму, надеясь, что не ослышался. Ему хотелось верить, что это настоящая цифра и Аркаша не оговорился.

– Стасик, он мой очень хороший знакомый. – сказал Аркадий твердым тоном, давая понять что не собирается делиться всей информацией со Шполянским. – Я точно знаю, что он располагает такой суммой и расплатиться с нами. Как нам уговорить твоего клиента?

– Хотя моего знакомого порой очень сложно уговорить, но я его все равно уговорю! – уверенно заявил Стас. Залпом выпил водку и протянул рюмку Аркадию, чтобы тот наполнил еще.

– Готов поклясться, что так оно и будет. – хмыкнул Аркадий, наполняя рюмки. – Сделай ему предложение, а для меня качественные снимки фрагментов статуй, чтобы мы показали моему клиенту товар лицом. Кроме того, надо бы обсудить с твоим знакомым экспертизу. Желательно, чтобы она была проведена на нашей территории, нашими специалистами.

– Да-а! Задача! – Стас задумчиво почесал темечко. – Но такие деньги!

– Деньги большие! – согласился Аркадий.

Они опорожнили еще по одной рюмочке и посмотрели друг на друга с большим умилением. Каждый подумал, что ему чертовски повезло найти такого партнера. И вот эта сплоченная команда лихо провернет прибыльное дело!

Налили по третьей – за победу.

– Ты знаешь, Стас, что мне не нравится в этих грациях? – спросил подвыпивший Аркаша?

– М-м? – вопросительно промычал в ответ Стас, так как его рот был набит закуской.

– Их тяжелые, слегка отвислые зады! Что за каноны такие были? Молодые девчонки, а ягодички и бедра как у рожавших матрон! – Заявил, сильно покрасневшись от выпивки, Аркадий.

– Аркаша, ты выпил... – начал успокаивать приятеля Стас, дожидая закуску. – Это же произведение искусства, а не порно куклы!

– При чем тут порно? У молодой женщины попка должна быть крепкая и круглая как орех, а не вот этот...

– Что на тебя нашло? – лениво хмыкнул Стас.

– Ладно, ты прав... – смешался Аркадий и быстро налил еще по одной. – Важно, чтобы эти мраморные девочки принесли нам хороший куш, и не имеет значения какие у них задницы. Давай выпьем дружище!

14

Полковник Одноров, начальник райотдела милиции, рослый, крепкий, сорокашестилетний мужчина, с резкими чертами лица и крючковатым носом, сидел у себя в кабинете и решал задачу. Задача была денежная и одновременно рискованная. Он любил решать такие ребусы, сулившие хороший приз.

Вчера, в 16:35, на железнодорожном переезде в вверенном ему районе города ограбили машину, везшую зарплату для частной фирмы. Это был не инкассаторский бронемобиль, а ведомственная «девятка» на которой, в целях экономии, два раза в месяц, бухгалтер «под охраной» водителя ездила за авансом и зарплатой для работников. Фирма имела швейный цех с двадцатью работницами, плюс склад и управленческий офис – всего сорок человек сотрудников. Руководство фирмы считало, что они предприятие небольшое и поэтому для возможных грабителей малоинтересное. Они ошиблись. В итоге, в пустынном месте промзоны, где кругом склады и цеха предприятий, машина швейной фирмы, остановившись на нерегулируемом железнодорожном переезде пропустить маневровый электровоз, была заблокирована двумя замызганными (со слов жертв ограбления) автомобилями. Водителю из обреза прострелили бедро, и женщина-бухгалтер, напуганная до смерти, отдала деньги без лишних разговоров. Денег взяли, в эквиваленте, на двадцать тысяч евро.

Сексоты доложили, что работали не блатные. Возможно молодежь из цыганской диаспоры.

Было ясно, что сработали по наводке бывших, или настоящих работников фирмы, которые знали, что часть пути машины с зарплатой пролегает через такую глушь. Поэтому их поимка была делом времени и эту задачу уже решали оперативные службы райотдела.

Полковник Одноров размышлял над другой задачей.

Сделав неплохую, но и не головокружительную, для своего возраста карьеру, Геннадий Александрович, в какой-то момент, совершил резкое отклонение от своей основной деятельности и ступил на стезю, мягко сказать, противозаконную, виртуозно совмещая ее со службой и решая любые разнонаправленные задачи с максимальной выгодой для себя.

Сейчас он был озабочен проблемой возврата долга.

Когда-то полковник помог одним оборотистым ребятам получить на территории своего района место под офис, продуктовый магазин с алкогольной лицензией и склад. Оборотистые ребята обещали делиться, но солидно развернувшись и открыв еще несколько подобных магазинов в городе, забыли о своем обещании. Прозрачные намеки Геннадия Александровича игнорировались. В ответ, так же прозрачно, ему намекнули, что у ребят уже есть более сильная поддержка. Полковник почти поверил, но на всякий случай проверил связи парней. Оказалось, что смысленные ребята вот так, на голубом глазу, облапошили не только его, но и других уважаемых людей, прикрываясь какой-то выдуманной «крышей». С их стороны это была большая ошибка – нельзя переоценивать свои способности, блефовать и прикрываться выдуманными связями перед людьми с большими возможностями. Геннадий Александрович не любил таких самонадеянных и необязательных людей. И вот теперь он размышлял над тем; что если поручить своим парням (не подчиненным ему работникам РОВД, а тем, которые по разным причинам покинули службу в милиции и были заботливо собраны под его началом и прикрытием в слаженную команду) обработать таким же образом, но без крови, офис, или машину с деньгами своих должников, а этот подвиг повесить на залетных пацанов, ограбивших машину швейников? В итоге он заберет деньги должников в счет погашения долга и набежавших процентов за необязательность и обман. А грабители швейников, когда их поймают и растолкуют что к чему, возьмут на себя второе ограбление так же, как другие подследственные брали глухие «висяки» и будут счастливы, что пошли под суд со здоровыми почками и двойным подвигом на зону. А там смотрящие авторитеты это отметят...

«Надо сказать ребятам, чтобы понаблюдали за офисом и поездками в банк моих необязательных партнеров...» – подумал Геннадий Александрович.

В кабинет осторожно постучали.

Этот кабинет находился за пределами здания вверенного ему РОВД. Все что не касалось службы полковник Одноров приезжал решать сюда, в уютно обставленное полуподвальное помещение, купленное подальше от любопытных глаз через подставных лиц для его нужд, в цокольном этаже многоквартирного жилого дома, с двумя отдельными входами, чтобы посетители, если это надо, могли прийти через главный вход, а уйти через запасной во двор.

– Да, войдите. – откликнулся он стучавшим, не вставая с кресла, зная, что непрошеным гостям тут делать нечего.

В дверь заглянул бывший капитан милиции Сергей Решетников.

Два года назад над капитаном сгустились тучи в виде службы внутренних расследований. Якобы, в ходе дознания, старший оперуполномоченный Решетников допустил халатность в описи вещдоков. В итоге пропала изъятая у арестованных наркобарыг недельная выручка от проданных наркотиков.

Геннадий Александрович посоветовал капитану уволиться из органов до того, как дело раскрутит служба собственной безопасности и взял себе в помощники решать деликатные задачи.

– Геннадий Александрович, к Вам...

– Давай, Сережа! – полковник сделал приглашающий жест рукой.

Голова Сергея исчезла и в кабинет вошел Егор Мазуркевич, смущенно потирая свежие ссадины на лице.

– О! Родственничек пришел! – с деланным добродушием воскликнул полковник и, подавшись с кресла вперед, навстречу вошедшим, протянул Егору руку. – Приветствую тебя!

– Привет... – хмуро поздоровался за руку Егор.

Геннадий Александрович действительно был родственником Егора – мужем его старшей сестры Насти, поэтому Егор мог себе позволить такое панибратское отношение к уважаемому человеку.

Пять лет назад, еще будучи майором, Одноров вел расследование, дикого по своей жестокости и нелепости, двойного убийства пожилой четы Мазуркевичей на их даче. Чета неосторожно вырастила у себя на лужайке за сараем мак-самосей. Ранним летним утром к ним наведалься компания «нарколог» и попросила отдать им этот самосей. Мать Егора и Насти, женщина осторожная, разрешила все быстро выполоть, пока муж спит, но вмешался некстати проснувшийся несговорчивый муж, устроил скандал и потасовку с безбашенными наркоманами, и чета поплатилась жизнью. При этих печальных обстоятельствах Геннадий Александрович познакомился с двадцатипятилетней Настей Мазуркевич и влюбился в девушку, можно сказать, как мальчишка. Он год крепился, прятал свои чувства как мог, понимая, что девушке тяжело и не до сватовства, но постоянно искал повод быть рядом и как мог поддерживал сирот – сестру и брата морально и деньгами. А через год не выдержал и сделал предложение Насте. Настя дала свое согласие и стала женой Геннадия Александровича. Но из-за этого у Однорова появился строптивый недоброжелатель – Егор Мазуркевич, который характером, судя по всему, выдался в отца. К Настиному замужеству он отнесся крайне отрицательно, считая этот брак неравным, так как разница в возрасте между мужем и женой была больше пятнадцати лет, и что Геннадий Александрович воспользовался их семейной трагедией. Полковник Одноров как мог обходил острые углы в отношениях с шурином, по прежнему помогал ему по мере своих, практически неограниченных, возможностей, но Егор этого не ценил и постоянно искал повод насолить полковнику.

– Давненько не виделись. – сказал Одноров. – Чего не заходишь в гости? Настя скучает по брату.

– Да времени не было... – буркнул Егор.

– На бирже труда пропадаешь? – спросил Геннадий Александрович.

Поняв подтекст вопроса, Егор нахмурился. Ему пришлось уволиться из милиции после того случая в игровом клубе. В отделе кадров посоветовали не доводить дело до служебного несоответствия, а уйти по собственному желанию. Егор не слишком держался за работу, на которую его устроил зять-полковник и с легким сердцем написал заявление. Но деньги, полученные в виде выходного пособия, быстро закончились. Егор не умел их тратить экономно, с умом. Любая более-менее крупная сумма жгла ему руки, и деньги утекали меж пальцев в кассы казино и игровых клубов. Поэтому он оказался серьезно на мели и без работы. Попытался тянуть деньги у сестры, скрывая свой теперешний статус безработного, но вмешался полковник и запретил содержать великовозрастного родственника. Геннадий Александрович сказал Насте, что готов помочь Егору, но только после обстоятельного разговора.

И вот Егор, пересилив гордость, пришел к полковнику на разговор.

– Так что у тебя с работой? – спросил полковник и сделал приглашающий жест садиться.

– Ничего интересного. Без высшего образования только в продавцы-консультанты... – недовольно ответил Егор, усаживаясь в кресло.

– А тебе сразу директором хочется быть? – спросил полковник.

Егор потупил взгляд и снова нахмурился.

– Охранник и этот посетитель в казино, которого я стулом тогда ударил... – пробормотал он. – Они сняли побои и на меня заявку накатали...

– И что теперь? – спросил Геннадий Александрович.

– Денег просят за моральный и физический ущерб, чтобы дело в суд не отправлять.

– Много?

– Полтора косаря каждому... – проворчал Егор.

– Рублей? – спросил полковник.

Егор хмыкнул, оценив шутку.

– Нет, евро.

– Обойдутся. – ответил полковник. – Оставишь Сергею их данные, с ними решат вопрос без денег.

– Парень, которого я стулом огрел, он сын какого-то чина из облисполкома.

– Я сказал, что ребята разберутся! – отрезал Геннадий Александрович.

Егор согласно кивнул головой и натужно засопел, собираясь мыслями.

– Так что будешь делать с работой? – помог ему Геннадий Александрович.

– Не знаю. – пожал плечами Егор. – А какие есть варианты?

– Можешь поработать с Сергеем. – сказал полковник негромко и кивнул в сторону стоящего за спиной у Егора отставного капитана Решетникова. – У ребят что-то вроде детективного агентства. Я их консультирую... Пойдешь пока шоферить ну и вообще – на подхвате будешь. Они тебя многому научит. Но ты сам должен понимать, на что идешь. Я тебя силой не тяну. Здесь болтливых бестолочей не любят. Не помогут даже наши родственные связи.

– Я понял. – кивнул головой Егор.

– Хорошо, тогда договорились! – подвел итог разговору полковник. – Там посмотрим, чего ты стоишь.

Парень поднялся с кресла, угрюмо посмотрел на капитана и вышел из комнаты.

– Сережа! – окликнул отставного капитана полковник Одноров. – Я не против, если ты будешь наставлять и словом и делом этого мальчика. Но в серьезные дела его не привлекай и парни лишнего пусть при нем не говорят – паренек строптивый и непредсказуемый.

Решетников закричал, давая понять, что строптивый и непредсказуемый родственник ему не по душе.

– Ты против? – спросил Геннадий Александрович.

– Ну мы ведь не страховыми агентами работаем...

– Сережа, давай посмотрим. Если бы не Настя, я бы с ним не нянчился. Но он родственник мой, ну пусть думает, что у вас детективное агентство. Может и сгодиться...

– Правильно Вы ему сказали, Геннадий Александрович, главное чтобы язык за зубами держал. А строптивость мы его объездим. – сказал отставной капитан.

15

Стас Шполянский любил бывать в гостях у профессора Карпова. Ему нравилось чинное, небыстрое хождение вслед за хозяином по комнатам среди экспонатов этой квартиры-музея. Можно в сотый раз, осматривая собрания, прикинуть в уме насколько поднялись в стоимости наиболее значимые предметы коллекции, и про себя восторгаться – это же какая сумма получается! Можно присмотреться к внешнему виду стареющего профессора, отметить, что он еще более сдал (Шполянский знал о больном сердце профессора). И кому-то, а скорее всего Стасу, если правильно повести дело, придется распоряжаться имуществом как душеприказчику. И эта возможность не за горами...

Они познакомились пятнадцать лет назад, когда еще начинающий в деликатных делах о наследствах адвокат Шполянский помог, сам того не понимая, в три-дешево купить профессору у вдовы директора областного театра драмы этюд Шишкина. Теперь этюд висел на стене в зале, в квартире профессора и постоянно бросался Стасу в глаза, служа укором и напоминанием, как плохо, когда ведешь дела в спешке и полном незнании предмета сделки. По послед-

ним меркам такой этюд на Западе ушел бы за сорок тысяч евро, а при помощи Стаса профессор купил его у вдовы, собравшейся в эмиграцию и спешно распродававшей собрания мужа, за восемь тысяч. Помощь молодого адвоката оценили, и с тех пор Стас стал радушно принимаем в доме профессора Карпова, в надежде на то, что он опять поможет профессору приобрести что-нибудь этакое по сходной цене.

Для адвоката, узнавшего впоследствии, как он продешевил, это радушие было слабым утешением. Но после смерти супруги Дмитрия Евгеньевича Стас понял, какой у него появился шанс. Теперь он сам искал малейший повод бывать почаще в гостях у профессора и наблюдать за самочувствием хозяина. Надо было как-то деликатно сказать, или напомнить ему о завещании. Хотя Дмитрий Евгеньевич однажды, движимый чувством патриотизма, обмолвился, что он, не имея прямых наследников, планирует передать свои собрания государству. Стас надеялся на то, что профессор пересмотрит свое решение, как только здоровье его серьезно ухудшится и ему потребуются сиделка, которая сможет стать ему компаньонкой и, чем черт не шутит, его прямой наследницей. Адвокат уже подбирал кандидатуру такой сиделки – это должна быть одинокая, уже в возрасте, но еще интересная собой женщина, интеллигентная, домовитая и полностью контролируемая Стасом Шполянским. Разговор о завещаниях деликатный и Стас осторожно искал малейшей зацепки, чтобы повести его в нужном направлении, но как-то не удавалось. Однако последняя встреча с Аркашей Гитлиным и щедрое предложение его клиента заставляла уже поторопиться и начать переговоры, не откладывая в долгий ящик.

С этим он приехал в гости к профессору. С большим неудовольствием заметил, что профессор неплохо выглядит, ведет себя странно, рассеян и деланно бодр. Отвечал односложно. Любые намеки на возраст и вопросы о здоровье игнорировал. Всем своим поведением он давал понять, что Стас пришел не ко времени. Это было совершенно не похоже на профессора.

Стас терялся в догадках, что происходит с Дмитрием Евгеньевичем, и как ему повести теперь беседу, не терпящую отлагательств. Только он собрался в шутку намекнуть хозяину о гостеприимстве и предложить выпить кофе, как в дверь позвонили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.